

Место встречи искусств – «Импреза»

Как известно, слово «импреза» означает действие, представление, а на языке сленга – пирушка, вечеринка. Заядлые автомобилисты сразу же вспомнят Субару-импрезу, японский автомобильный бренд. Рассказывают, что президент компании Subaru Иосида Кадзуси объяснял происхождение слова «импреза» от двух близких по звучанию слов «impression» и «passion» – «впечатление» и «страстность», «эмоциональный взрыв». Сложенные вместе, они должны были передать то сильное впечатление, на которое рассчитывали создатели этой модели. Именно такой, можно сказать, эмоциональный шок получила и я, побывав... нет, не на экспозиции современных автомобилей, а в зале харьковской филармонии, где состоялось открытие нового в городе фестиваля под названием «Импреза».

Инициировала Импрез-идею Юлия Николаевская, музыковед, доцент университета искусств, реализована же она была при самой деятельной – творческой и административной – помощи художественного руководителя филармонии Юрия Янко и «группы поддержки», в которую вошли представители разных искусств – харьковчане и гости города. И пусть «послеимпрезные страсти» не утихают и сегодня, сталкиваются мнения новоявленных фанатов и не менее ярких скептиков, ясно одно – новый творческий проект филармонии никого не оставил равнодушным. В одной программе сошлись «волна» и «камень» – музыка разных жанров, театр теней в исполнении Анны Боровской, представительницы школы «ЛЕ Шкробтак», зажигательное фламенко от блистательной испанской танцовщицы Натальи Меириньо. В формат фестиваля вписался и "ЧАЙ С КОМПОЗИТОРОМ", где можно было вот так запросто пообщаться с “гранд-премьером украинской электроакустики” - Аллюй Загайкевич (*за неделю до начала феста гостя из Киевской музыкальной академии им. П.И. Чайковского провела для студентов и педагогов университета искусств лекцию по истории электронной музыке и мастер-класс*). Не мог не удивить и музыкальный репертуар, представленный «библией экспрессионизма», вокальным циклом Арнольда Шенберга «Лунный Пьеро», редко исполняемыми у нас произведениями венгеро-австрийского композитора Д.Лигети и американца Р.Кэмерона-Вульфа, авангардными электронными композициями Аллы Загайкевич, а рядом «король танго» Астор Пьяццолла и Морис Равель с его популярным «Болеро». И уж совсем резким контрастом явилась детская опера Н.Лысенко «Зима и Весна», премьеру которой в Харькове подготовили учащиеся детских музыкальных школ: представление сопровождала оригинальная песочная анимация в исполнении Софии Боровской.

– Смешение «всего со всем»... Что кроется за этим замыслом? Сегодня превращение академического концерта в зрелищное шоу становится чуть ли не традицией? – с этим вопросом я обратилась к Сергею Горкуше, одному из организаторов и участников проекта, известному в городе гитаристу, который ныне осваивает еще и профессию симфонического дирижера.

– Есть такой цикл познавательных телепередач – «Нескучная классика». Нам также хотелось развеять стереотипы многих людей, что академическая музыка элитарна, что понимать ее могут исключительно избранные. А ведь еще труднее пробиваться к слушателю современным композиторам, язык которых, будем откровенными, не всегда понятен даже коллегам по цеху – музыкантам-исполнителям. Многие ли из них рискуют брать за новейшую музыку – слишком непривычным кажется язык, логика организации звукового потока?

– Поэтому вы решили подключить сопровождающее зрелище, чтобы сделать сложную музыку доступней и тем изменить отношение людей к филармонии как цитадели музыкального академизма?

– Да, «наедине» с непонятной музыкой слушатель может просто не заметить удивительных красот, которые содержатся в произведениях современных авторов. А зрелище, как легкая, ненавязчивая подсказка, «помощь в ориентировке». Но, может быть, Вы заметили, что зрелищный ряд не иллюстрировал музыку. Нас больше увлекала идея контрапункта искусств, каждое из них раскрывало замысел произведения своими собственными средствами – именно так задумывался «Лунный Пьеро», сопровождаемый театром теней.

– А программа? Согласитесь – Шенберг, Пьяццолла, Лысенко... По какому принципу подбирали репертуар?

– Принцип был один – качественная, интересная музыка. Наш слушатель получил возможность еще раз насладиться знакомыми пьесами и открыть для себя что-то новое... –

– Ваш проект напомнил мне компьютерную «Игру в музыку», с помощью которой дети, да и взрослые открывают для себя мир классической музыки. Наверное, действительно, пути к серьезному искусству могут быть разными, в том числе и игровыми, зрелищными. И путь, выбранный вами – один из них. Все ли удалось реализовать из задуманного?

– Только часть. Остальное оставили на потом, на следующие Импрезы. Ведь наш проект долговременный – я очень в это верю.

– На концерте Вы выступили в роли дирижера –

этот маленький оркестрик, скорее ансамбль был собран специально для фестиваля?

– Нет-нет. Это уже сложившийся новый коллектив, который будет специализироваться на исполнении музыки XX-XXI века. Мы так и назвали его – оркестр современной музыки.

– И речь идет, очевидно, о Вашем собственном проекте?

– Хочу выразить огромную благодарность Юлии Николаевской – она стала вдохновительницей и неутомимой помощницей в этом начинании.

--Кто вошел в состав ансамбля?

Большая часть – музыканты филармонического оркестра, весьма талантливые, энергичные, инициативные ребята. Работать с ними для меня было огромным удовольствием.

– Для выступления Вашего оркестра на Импрезе были выбраны редко, а то и вовсе не исполнявшиеся в Харькове произведения – современного американского композитора Ричарда Кэмерона-Вульфа и классика нововенской школы Арнольда Шенберга. Что привлекло Вас в музыке этих музыкантов?

– Символизм и философичность образов в «Лунном Пьеро», яркая звукоизобразительность и интересные полистилистические приемы в камерной симфонии Кэмерона-Вульфа. Добавлю, что на «Лунного Пьеро» год назад мое внимание обратил харьковский пианист, выпускник университета искусств Сергей Корепанов. В течении года мы обдумывали эту грандиозную, граничащую с безумием идею исполнения этого произведения, ведь, помимо атональных инструментальных партий, «изюминкой» сочинения является сложнейшая техника вокальной партии, определенная самим композитором как «sprechstimme». Согласно указаниям автора, «записанная нотами мелодия для голоса не предназначается для пения. Перед исполнителем стоит задача сделать из нее мелодию речевого пения, не забывая о предписанной высоте звуков». Невероятно сложная миссия для вокалистов. Я горжусь тем, что в Харькове нашлась певица, которая одолела эту «творческую высоту». Речь идет о Яне Каушнян, ассистенте-стажере кафедры сольного пения университета искусств, обладательнице красивого, легкого сопрано.

– Признаюсь, ожидала Ваших сольных выступлений или выхода на сцену вашего гитарного квартета. Помните, в репертуаре квартета всегда присутствовали произведения композиторов XX

века – Эндрю Йорка, Ю.Радзевского, Р.Кэмерона-Вульфа?

– Верно. Квартет первоначально был основан с целью презентации современной академической музыки. Оркестр же в этом отношении сыграл роль логического расширения. Уверен, что в дальнейшем оба коллектива (оркестр и гитарный квартет) будут создавать совместные проекты. Есть масса произведений с участием гитары и оркестровых инструментов, например, у Софьи Губайдулиной – гитарный ансамбль и контрабас.

– Вы уже не в первый раз «отмечаетесь на публике» как исполнитель авангардной музыки. И вместе с тем, Вы академический гитарист, исполняющий классический гитарный репертуар. Как Вам удается «сидеть сразу на двух стульях», сочетать интерес к старинной музыке и новой, даже новейшей?

– Тут двух стульев точно нет, поскольку авангард тоже – часть академической музыки. И сама история музыки – прорываясь к новому, она сохраняет так или иначе что-то из опыта прошлых эпох. Такое вот движение «по спирали». Мне одинаково интересно играть барочную музыку, так и современную: при всем резком отличии, в ней можно найти и много общего. Другой вопрос – вкус: что-то мне может быть ближе, что-то дальше и сложнее для понимания. На мой взгляд, важнее оценивать качество моей игры, а не то, что я исполняю.

– Вы уже не раз удивляли харьковчан свежими творческими проектами. Чего еще нового можно ожидать от Сергея Горкуши и его Ко в ближайшее время?

– Самый грандиозный план – исполнение камерной симфонии Эдисона Денисова, партитуру которой я сегодня случайно обнаружил в библиотеке университета искусств. А далее, возвращаясь к вопросу о моей стилевой «всеядности», скажу «по большому секрету», что готовлю с Молодежным симфоническим оркестром программу вполне академическую – 4-ю симфонию Петра Чайковского, ля-мажорный концерт для флейты с оркестром Карла Райнеке и Увертюру «Гибриды» Феликса Мендельсона. А затем – очередной виток-возвращение к современной музыке...

– Есть ли какие-то специфические трудности при работе с произведениями современных авторов?

– Еще и какие! В первую очередь – финансовые и юридические. Одно дело, когда композиторы ДАРЯТ нам свои сочинения. Как, например, Кэмерон-Вульф. С ним я сотрудничаю как гитарист многие годы. Недавно он прислал мне оркестровую партитуру для камерного ансамбля. Или молодой композитор Денис Гончаров, который так же писал произведения специально для нашего гитарного квартета и т.д. В других случаях надо соблюдать закон об авторских правах, а это уже дело хлопотливое и в организационном, и в финансовом плане.

– Вы и Ваши коллеги по Импрезе делаете нужное дело. Когда-то Гоголь с тревогой вопрошал: «И если музыка нас оставит, что будет тогда с нашим

миром?»). Просветительство сегодня – вопрос жизни и процветания нашей музыки и нашего мира. Вы согласны с этим?

– Более чем. Вопрос весьма актуальный и столь же тревожный. Очень важно, чтобы в этом просветительском процессе слаженно работала триада музыкантов: композитор, исполнитель, музыковед. Композиторы пишут музыку, исполнители эту музыку трансформируют в реальное звучание, а музыковеды участвуют в отборе всего самого ценного в искусстве и помогают продвигать эти ценности в жизнь. Если эта цепочка будет давать сбой, мы обречены топтаться на месте. А в период нарастания попового вала надо не просто идти, а многократно наращивать темп движения. Да, сейчас культура слабо финансируется. Я знаю музыкантов, которые подрабатывают на трех работах, а ночью пишут музыку или готовятся к концертам. Вместе с тем, нельзя опускать руки. В противном случае, если высокая музыка (как и любое высокое искусство) сдаст позиции, свершится предсказание Гоголя – мы уйдем в пустоту, в пустоту духовную, сердечную. Но, я оптимист по жизни, уверен, что этого не случится. Мы должны поднимать нашу публику. Очень много людей сейчас просто не знает, от чего они загодя отказываются. Если настойчиво искать контакты с этими людьми, музыка не оставит нас.

– Ваши намерения уже реализуются. «Импреза» – тому пример. Остается лишь пожелать долгого и счастливого творческого пути – и вашей дружной Импрез-группе и Вам лично, как музыканту и просветителю.